

Пропповский центр

Гуманитарные исследования в области традиционной культуры

МОРФОЛОГИЯ ПРАЗДНИКА

Санкт-Петербург
2006

Сборник статей Морфология праздника

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35729848

*Морфология праздника: Сборник статей: Пропповский центр; Санкт-Петербург; 2006
ISBN 5-288-04130-X*

Аннотация

Праздник привлекает исследователей своей многомерностью, яркой символикой. Нужны ли праздники, и если да, то какие? Статьи этого сборника касаются исторических корней некоторых праздников, анализируют самые, казалось бы, привычные атрибуты и, наконец, говорят о современном состоянии традиций, сравнивают «настоящий праздник» с «праздником по сценарию». На страницах книги – Пасха и Первомай, змееборческий миф и поминовение покойников (не только у русских, но и корейцев), Троица и карнавал, жатва и Благовещание.

Содержание

От составителей	5
К 110-летию Владимира Яковлевича Проппа	7
Владимир Яковлевич Пропп	7
Праздник: исторические корни	35
Змееборческий миф по клинописным источникам	35
Историческая поэтика: музыкальный язык фольклора как процесс (из ненаписанной главы)	52
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Морфология праздника: Сборник статей

Издание осуществлено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант А05-04-14106 г)

От составителей

У монографии В. Я. Проппа «Русские аграрные праздники» – особая судьба. Являясь одной из наиболее читаемых и цитируемых работ, посвященных ритуалам славянского календаря, она в значительно меньшей степени включена в современный научный дискурс, нежели другие труды ученого. Вместе с тем проблема места и функции праздника в культуре является одной из наиболее интересных. Она находится на пересечении разных в дисциплинарном и методологическом плане подходов. Предмет, избранный для обсуждения в настоящем сборнике, предполагает проблематизацию описания сложного семиотического комплекса. Он имеет статус социального события, оформленного культурной традицией, и именно поэтому может быть определен как динамический знак культуры. Будучи таковым, праздник дает возможность наблюдать и анализировать бытие символа в культурной парадигме. Определение современных подходов к изучению праздника и составляет задачу настоящего издания.

Сборник научных статей составлен по материалам конференции «Морфология праздника», которую проводил Пропповский центр 12–14 мая 2005 г. в стенах Санкт-Петербургского университета, Института истории искусств и Российского этнографического музея.

Конференция была посвящена юбилею Владимира Яко-

влевича Проппа, день рождения которого приходится на 26 апреля. Она стала второй юбилейной Пропповской конференцией, организованной Пропповским центром. Первая конференция к столетию со дня рождения ученого прошла 10 лет назад, в 1995 году¹. Называя вторую конференцию «Морфология праздника», мы отдавали дань двум работам Проппа – «Морфологии сказки» как методологической иконе гуманитарной науки XX века и «Русским аграрным праздникам», книге, которая представляет собой авторское приложение метода морфологического анализа к обрядовому материалу.

Мы предполагали увидеть в качестве отправной точки исследовательских штудий участников конференции пропповский анализ, а также рассчитывали на введение в научный оборот нового фактического материала – полевых данных, собранных с учетом новых технических возможностей фиксации и представления. То, что получилось в результате – предлагаемый вниманию читателей сборник статей – отражает текущее положение дел как в методологии, так и в практике описания праздника как феномена культуры.

¹ Материалы международной конференции, посвященной 100-летию В.Я. Проппа // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 8–9. СПб., 1995. С. 164–326.

К 110-летию Владимира Яковлевича Проппа

Владимир Яковлевич Пропп

А. Н. Мартынова

Владимир Яковлевич Пропп – выдающийся филолог с мировым именем, один из крупнейших фольклористов XX в. – родился 16 апреля 1895 г. в Санкт-Петербурге. Крещен пастором Артуром Мальмгренем Евангелическо-лютеранского прихода св. Анны и наречен Герман Вольдемар. Его отец, Иоанн Яков Пропп, выходец из немецкой колонии Саратовской губернии, занимал должность доверенного торгового дома «Братья Шмидт», снабжавшего мукой все немецкие булочные столицы. В начале века, когда Владимир Пропп учился в школе, его отец купил небольшое поместье в Саратовской губернии – хутор Линево с большим садом, домом, пахотной землей, прудом, хозяйственными постройками, лесом. У них были свои лошади, коровы, домашняя птица. После покупки имения и до революции вся семья выезжала на лето в Саратовскую губернию в свое поместье. Отец Владимира Яковлевича скончался в 1919 г. Мать, Анна Елисавете-

та (в девичестве Безель), вела дом и занималась воспитанием детей. Их было семеро: три сына и четыре дочери. Родители были женаты вторым браком. От первого брака у отца был сын, у матери дочь. Общих детей было пятеро (Вольдемар, Евгения, Роберт, Эмилия, Элла). Скончалась Елизавета Фридриховна Пропп в блокадном Ленинграде в 1942 г.

В раннем возрасте детей в семье нянчила русская старушка, которая пела над колыбелью будущего фольклориста колыбельные песни и, возможно, рассказывала сказки. О ней с большой теплотой в старости вспоминал Владимир Яковлевич. Так, с детства он запомнил ее толкование значения глагола «жалеть», равное значению «любить». Однажды на семинаре он сказал: «В старинных русских песнях почти не встречается слово “любить”. В них есть слово “жалеть”. Но “жалеть” и значит “любить”». Совершенно противоположные чувства вызвала у Воли (так его звали в семье) Проппа первая гувернантка. Несмотря на то, что семья его не была богатой, родители нанимали гувернанток для обучения детей не только французскому, но и немецкому языку. По-немецки они разговаривали с мамой, которая говорила на одном из немецких диалектов, по-русски – с отцом и между собой, по-французски – с гувернантками. Бонны обучали детей также игре на фортепьяно и «манерам». В «Дневнике...» Владимира Яковлевича есть запись о том, что у него было счастливое детство, которое отравляла лишь гувернантка. Но были затем и другие, с которыми было полное взаимо-

понимание. Последняя прожила в семье Проппов несколько лет и была очень привязана к детям.

Среднее образование В. Я. Пропп получил в Анненском училище, а затем в 1913 г. поступил в Петербургский университет, где занялся изучением немецкой литературы.

Когда началась Первая мировая война, студент Пропп готов был идти на фронт – не для того, чтобы убивать, а чтобы разделить судьбу сотен тысяч русских солдат, гибнущих на полях сражений. Но в то время студенты III курса не подлежали мобилизации. И тогда Владимир Яковлевич принимает другое решение, о чем свидетельствует удостоверение 1915 г. о том, что он прошел обучение на шестинедельных курсах «подания первой помощи и ухода за больными», успешно сдал экзамены по анатомии, физиологии, хирургии и другим предметам. Закончив курсы, В.Я. Пропп добровольно стал работать в лазарете санитаром, а затем братом милосердия. Судя по записям в дневнике и повести «Древо жизни», он всей душой сострадал раненым, стараясь уменьшить их мучения. Ему приходилось мыть солдатам ноги, с которых клочьями отваливалась кожа, обрабатывать гнойные раны, выносить и мыть судна. Он пишет, что солдаты с невероятным мужеством переносили свои страдания и что именно тогда, общаясь с ними, он стал русским. Позднее он записал в дневнике: «22. IV. 1918 года был для меня одним из лучших в моей жизни. Была Пасха. Самая ранняя, какая может быть. Я смотрел на огни Исаакия с 7-го этажа лазаре-

та в Новой Деревне. Тогда я любил Ксению Новикову. Она ходила за ранеными. Было Воскресение в природе, и моя душа воскресла от признания не только своего «я». Где другой – там любовь. И она была другая, совсем другая, чем я. Я сквозь войну и любовь стал русским. Понял Россию» [Пропп 2002:289].

Историко-филологический факультет Петроградского университета В. Я. Пропп закончил в 1918 г. Несколько лет он преподавал русский и иностранные языки в гимназиях и средних школах Петербурга-Ленинграда, а с 1926 г. начал работать преподавателем немецкого языка в Политехническом институте, затем заведующим кафедрой иностранных языков в Плановом, кафедрой германской филологии во втором педагогическом институте иностранных языков. Одновременно в эти годы В. Я. Пропп сотрудничает в Институте истории искусств, Институте этнографии АН, Географическом обществе, затем в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР.

И еще малоизвестный факт из биографии В. Я. Проппа. 2 апреля 1921 г. В. Я. Пропп подает прошение о зачислении на первый курс Петроградского богословского института, который был открыт в апреле 1920 г. Институт просуществовал всего три года и сделал один выпуск [Бовкало 173–175]. Он был призван не только готовить убежденных церковных деятелей и пастырей, но и выполнять широкие просветительские задачи: устраивать общедоступные

богословские лекции, руководить религиозными кружками и курсами, разрабатывать богословские и церковно-практические вопросы. В институте преподавали не только известные богословы, но и многие видные ученые; в него принимали мужчин и женщин, без ограничения возраста. Занятия проходили по вечерам, чтобы лекции могли посещать и те, кто днем был занят на работе.

Владимир Яковлевич в это время преподавал русский язык и историю русской и зарубежной литературы в XI трудовой школе II-й ступени.

Однако Владимир Яковлевич недолго занимался в институте. Вскоре он оставил его. Причина такого решения неизвестна, возможно, она проста: отсутствие времени. Ведь занятия в институте проходили ежедневно, с 6 до 9 вечера. А в это время В. Я. Пропп работал над «Морфологией сказки», и, возможно, эта работа отнимала все время.

В 1937 г. его приняли на работу в ЛИФЛИ (впоследствии филологический факультет ЛГУ), и с этого времени до 1969 г. он преподаватель университета – сначала кафедры романо-германской филологии, затем кафедры фольклора, позднее – кафедры русской литературы. В 1938 г. он получил звание профессора, в 1939 г. защитил докторскую диссертацию.

Вероятно, интерес к фольклору возник у Проппа еще в университете, хотя никаких подтверждений этому нет. Но о том, что исследованием сказок он занялся сразу после уни-

верситета, есть запись в «Дневнике»: «У меня проклятый дар: во всем сразу же, с первого взгляда, видеть форму. Помню, как в Павловске, на даче, репетитором в еврейской семье, я взял Афанасьева. Открыл № 50 и стал читать этот номер и следующие. И сразу открылось: композиция всех сюжетов одна и та же» [Пропп 2002: 327]. Это и было началом работы над монографией «Морфология сказки», со временем принесшей автору мировую известность. Он писал ее десять лет, по его признанию, по ночам, на праздниках, на каникулах, писал в одиночку, ни с кем не советуясь, без всякого руководства. И лишь закончив работу, решил показать его видным ученым: Б. М. Эйхенбауму, Д. К. Зеленину, В. М. Жирмунскому. Получив одобрение и поддержку, В. Я. Пропп в 1928 г. под редакцией В. М. Жирмунского издает книгу. В первые годы после ее выхода появилось несколько положительных рецензий известных ученых в западноевропейской и советской прессе (Д. К. Зеленина, Яна де Фриза, В.Н.Перетца, Р. О. Шора). Но затем открытие В. Я. Проппом структурных закономерностей волшебной сказки было забыто на тридцать лет. Лишь с 1958 г., после перевода книги на английский язык, начинается ее возрождение и воздействие не только на сказковедение, но и на структурное изучение других нарративных жанров и иных явлений культуры².

Основная причина забвения исследования в наше время вполне определена: книга опередила науку на тридцать лет.

² См., напр.: [Грякалов 51–63]

Хотелось бы сослаться лишь на мнение В. Я. Проппа о причинах непонимания идей книги. В предисловии к итальянскому изданию «Морфологии...» он писал в 1966 г.: «Книга эта, как и многие другие, вероятно, была бы забыта, и о ней изредка вспоминали бы только специалисты, но вот через несколько лет после войны о ней вдруг снова вспомнили <...>. Что же такое произошло и чем можно объяснить этот возродившийся интерес? В области точных наук были сделаны огромные, ошеломляющие открытия. Эти открытия стали возможны благодаря применению новых точных и точнейших методов исследований и вычислений. Стремление к применению новых точных методов перекинулось и на гуманитарные науки. Появилась структуральная и математическая лингвистика. За лингвистикой последовали и другие дисциплины. Одна из них – теоретическая поэтика. Тут оказалось, что понимание искусства как некоей знаковой системы, прием формализации и моделирования, возможность применения математических вычислений уже предвосхищены в этой книге, хотя в то время, когда она создавалась, не было того круга понятий и той терминологии, которыми оперируют современные науки» [Пропп 1998: 208–209].

Но это объяснение будет написано спустя несколько десятилетий. А в 30-е годы атмосфера вокруг ученого была недоброжелательной. Книгу жестко критиковали. К.В. Чистов пишет, что в предвоенные годы в семинаре М.К. Азадовского в ЛГУ его ученики знали работу В.Я. Проппа, но

отношение к ней было, по его выражению, «сдержанно-критическим»: «Говорили, что В.Я. Пропп изучение архитектуры как искусства подменяет инженерным трактатом о несущих балках конструкции или изучение человека как живого организма – рентгеновскими снимками или рассматриванием скелета» [Чистов: 15]. (Думается, что это было мнение не только учеников М. К. Азадовского, а прежде всего их учителя, руководителя семинара. – А. М.)

Так как же реагирует В. Я. Пропп на критику, обрушившуюся на него по выходе «Морфологии сказки»? Может быть, отказывается от своей концепции, от своих идей? Обещает учесть критику? Такое бывало в советской науке, и неоднократно в те времена. В.Я. Пропп реагирует следующим образом. Поскольку ни один научный журнал не решился бы поместить его аргументированный ответ критикам, он с живым словом обращается к будущим ученым, в ту пору студентам и аспирантам. В 1942–1943 гг. в Саратове, куда он был в тяжелейшем состоянии эвакуирован вместе с ЛГУ, он ведет семинар, посвященный «Морфологии сказки». Вспоминая об этом, И.П. Лупанова, студентка, аспирантка, позднее доктор филологических наук и друг В. Я. Проппа, пишет следующее: «... что двигало Проппом, когда он выносил на аспирантский семинар обсуждение своего «крамольного» труда? Ведь в те нелепые и страшноватые времена в этой акции был безусловный риск. Видимо, он сознательно шел на него. Потому что был уверен в своей научной правоте.

Потому что, не имея возможности пробить стену неприятия советской филологической науки, он пытался донести дорогие ему мысли до молодых умов нового поколения...» [Лупанова: 397]. Думается, известны были ему и высказывания участников довоенного фольклорного семинара Азадовского о том, что Пропп изучение человека как живого организма подменяет изучением скелета, – и они нисколько его не смущали. В 1964 г. он как бы прямо отвечает своим насмешливым оппонентам: «Так как фольклор состоит из произведений словесного искусства, прежде всего необходимо изучить особенности и закономерности этого вида творчества, его поэтику. Зоологи только тогда могли создать научную систематизацию, когда были изучены *скелеты* (выделено мной. – А. М.) животных, строение их тела, способы передвижения, а также отношение к окружающей среде, особенности питания, размножения и пр.» [Пропп 1998: 175].

В 1944 г. Университет вернулся в Ленинград. Но В.Я. Проппу был запрещен въезд в родной город как немцу, хотя и обрусевшему. У него был отобран паспорт, пишет И. П. Лупанова, и лишь ходатайство ректора А.А. Вознесенского спасло его от ареста [Лупанова: 398].

В. Я. Пропп продолжил работу в ЛГУ, одновременно работая по совместительству в ИРЛИ. В конце 1940-х годов его увольняют из Академии наук.

Причина увольнения В. Я. Проппа из Академии наук – выход в свет в 1946 г. его второй книги «Исторические кор-

ни волшебной сказки» (хотя написана она была значительно раньше: в 1939 г. Владимир Яковлевич защитил докторскую диссертацию по рукописи этой монографии). Свою задачу автор кратко сформулировал на первых страницах книги: «Мы хотим <...> найти историческую базу, вызвавшую к жизни волшебную сказку» [Пропп 1946: 5]. В. Я. Пропп рассматривал свою вторую книгу как логическое продолжение первой. Определив волшебную сказку и выявив ее единство через композицию, он приходит к выводу, что причина единства кроется в области ранней истории, т. е. ступени развития человеческого общества, которую изучают этнография и этнология. В 1966 г., отвечая К. Леви-Строссу на обвинение в формализме, которое он категорически отвергал, В.Я. Пропп пишет в статье: «“Морфология” и “Исторические корни” представляют собой как бы две части или два тома одного большого труда. Второй прямо вытекает из первого, первый есть предпосылка второго <...>. Я, по возможности строго методически и последовательно, перехожу от научного описания явлений и фактов к объяснению их исторических причин» [Пропп 1998: 214].

Но в 1940-е года эта книга вызвала яростную критику и обвинения в антимарксизме, идеализме и протаскивании религиозных идей, а также приверженности буржуазным традициям. Огромную рецензию, зловеще озаглавленную «Против буржуазных традиций в фольклористике (о книге проф. В.Я. Проппа “Исторические корни волшебной сказ-

ки»)» публикует «Советская этнография» (1948, № 2). Авторы И. Дмитраков и М. Кузнецов в своей рецензии прежде всего «громят» основные теоретические положения статьи В.Я. Проппа «Специфика фольклора» за «мистику», «извращение и фальсификацию истинной картины общественных отношений», за то, что в своей работе он опирался «не на великого теоретика фольклора А. М. Горького, а на буржуазных ученых-идеалистов» и т. д.; затем обрушиваются на монографию ученого, утверждая, что исследование имеет «откровенно-формалистический характер» (с. 230–239).

В течение февраля 1948 г. в Институте этнографии АН СССР были проведены заседания, посвященные обсуждению «недостатков и задач современной фольклористики». Критике были подвергнуты работы В.Я. Проппа, П.Т. Богатырева и теоретические положения трудов А.Н. Веселовского. 9 февраля на заседании выступил М.М. Кузнецов, зачитавший рецензию на книгу В.Я. Проппа. Рецензию обсуждали, и в процессе обсуждения были вскрыты «недостатки» как этой, так и других работ В.Я. Проппа, – как свидетельствует информация, опубликованная в «Советской этнографии» (1948, № 3).

И.И. Потехин, например, выразил сожаление, что «Проппа влечет не к Добролюбову, Чернышевскому и Горькому, а к идеалистам-позитивистам». В.И. Чичерев утверждал, что В.Я. Пропп «выхолащивает идейное наполнение» из народного творчества и отрицает его национальную сущность.

С.А. Токарев посчитал, что автор рассматривает этнографические материалы «сквозь призму вульгарно-социологических взглядов». Решительнее всех были Е.В. Гиппиус, назвавший книгу Проппа «весьма вредной в методологическом отношении», и С.П. Толстов, квалифицировавший книгу как «антимарксистскую по концепции и методу исследования». Пропп не взял заключительного слова, никак не реагировал на критику до 1966 г., когда было написано предисловие к итальянскому изданию «Морфологии сказки». Пропп выдержал ругательную заказную критику, носившую не научный, а идеологический и политический характер. Пропп выдержал критику и остался на прежних позициях – не выдержало его сердце: он перенес обширный инфаркт И разумеется, работы автора «антимарксистской книги» никто не решался печатать. За последующие девять лет ученый опубликовал лишь три статьи по фольклору, тезисы и статью о проблеме арктики в современном немецком языке.

А затем в свет выходит монография «Русский героический эпос» (Л., 1955; 2-е изд. М., 1958). Поздравляя Владимира Яковлевича с изданием книги, я услышала: «Десять лет я писал и бросал в ящик стола. Если бы не Игорь Петрович Еремин (в ту пору заведующий кафедрой русской литературы ЛГУ. – А. М.), который приложил много усилий, чтобы книга была издана, она и теперь бы не была опубликована».

Запомнилось, что атмосфера юбилея ученого весной 1955 была радостной, приподнятой, праздничной, море цветов и

подарков. Остались в памяти слова Г. П. Макогоненко о том, что, начав читать книгу, он не мог оторваться от нее, пока не дочитал до конца, и что она увлекательнее всех романов.

В монографии о русском эпосе В. Я. Пропп прежде всего определил жанр былин, отграничив их от духовных стихов, баллад, сказок, исторических песен.

Целью своей работы автор считал историческое изучение эпоса, которое должно состоять в раскрытии связи «развития эпоса с ходом развития русской истории и в установлении характера этой связи» [Пропп 1955:18]. И на этом пути первая задача состоит в том, чтобы, сопоставляя варианты каждого сюжета, понять замысел былины, выявить ее идею: «Раскрытие идеи есть первое условие исторического изучения былин. Народная идея всегда выражает идеалы эпохи, в которую эти идеи создавались и были действены» [Пропп 1955:24].

Противопоставляя свою концепцию историзма былин концепции исторической школы, В. Я. Пропп пишет: «Взаимоотношения между эпосом и историей сторонники этого направления представляют себе чрезвычайно просто. Песни отражают, регистрируют события той эпохи, в которой они создавались. Эпос рассматривается как своего рода устная историческая хроника, подобная письменной хронике – летописи. <...> Отсюда – метод этой школы, сводящийся к проверке былины через летопись или другие исторические документы» [Пропп 1955: 13].

По-новому решает Пропп и проблему происхождения былин как жанра, который возник из эпоса догосударственного. Об этом пишет Б. Н. Путилов: «Русские былины как исторически обусловленный этап в истории эпического творчества народов В. Я. Пропп исследовал на основе типологического сравнения с архаическим (по его терминологии, «догосударственным») эпосом народов Сибири и Крайнего Севера. Такое сравнение позволило ученому вскрыть в былинах сложный пласт архаики, объяснить его существование и его характер и, главное, прочесть былинные сюжеты, разгадать многочисленные загадки в них, объяснить специфику былинных героев, раскрыть особенности былинной поэтики, наконец, понять природу былинного историзма» [Путилов: 390]. Полемику со сторонниками исторической школы В. Я. Пропп продолжит в замечательных последующих работах: «Об историзме русского эпоса (ответ академику Б. А. Рыбакову)» (1962), «Фольклор и действительность» (1963), «Об историзме русского фольклора и методах его изучения» (1968). Но значение этих работ значительно шире – в них изложена пропповская концепция русского фольклора.

Четвертая монография В. Я. Проппа «Русские аграрные праздники» была опубликована в 1963 г. (2-е изд. Л., 1995). И вновь это был неожиданный, концепционный и дискуссионный труд, как и все книги В. Я. Проппа.

Во введении к монографии, определяя цель и методику

работы, автор пишет, что ошибка предшествовавших исследований календаря состояла в том, что праздники изучались в отрыве один от другого: материалы одних празднеств не сопоставлялись с материалами других, в то время как каждый праздник может быть правильно понят тогда, когда будет изучен весь их годовой цикл. Изучая годовой цикл, сравнивая праздники между собой, В. Я. Пропп пришел к выводу, что частично они состоят из одинаковых элементов, иногда различно оформленных, а иногда тождественных.

О методике исследования этнографического (выделено мной. – А. М.) материала автор напишет через три года в статье «Структурное и историческое изучение волшебной сказки»: «В книге “Русские аграрные праздники” я применил как раз тот же метод, что в “Морфологии”. Оказалось, что все большие основные аграрные праздники состоят из одинаковых элементов, различно оформленных» [Пропп 1998: 133]. Применив в исследовании календарных обрядов, т. е. материала этнографического, структурный метод и обнаружив в них одинаковые элементы (составные части, слагаемые, по выражению В.Я. Проппа), автор поставил задачу: «<...> эти составные части необходимо определить, выделить и сопоставить» [Пропп 1995: 22].

После смерти В. Я. Проппа были опубликованы две его книги: «Проблемы комизма и смеха» (1976) и «Русская сказка» (1984). Первая из них, не завершенная автором и подготовленная к печати его вдовой, Е. Я. Антиповой, – литерату-

роведческая работа, построенная на материале художественной литературы и лишь отчасти на фольклорном и этнографическом. Книга еще не получила должной оценки. Здесь хотелось бы обратить внимание лишь на некоторые аспекты исследования. И прежде всего, на метод исследования, о котором автор пишет, как и во всех своих работах, в начале книги. Пропп пишет, что его метод идет не от гипотез, а от скрупулезного сопоставительного изучения и анализа фактов к обоснованным через факты выводам: «Такой метод принято называть индуктивным» [Пропп 1976: 5–6].

Второе, на что хотелось бы обратить внимание, – это авторский опыт систематизации смеха, опыт, к сожалению незавершенный. В книге много интересных и спорных положений о специфике комического, эстетике комического и др., которые ждут изучения.

И последнее, на чем хотелось бы остановиться, это оценка В.Я. Проппом Н. В. Гоголя: «Гоголь предстал перед нами как величайший из всех когда-либо творивших юмористов и сатириков, оставляя позади себя всех других как русских, так и нерусских мастеров» [Пропп 1998: 6]. О Гоголе есть несколько записей и в дневнике ученого: «Сколько раз я читал “Ревизора”, но всегда могу читать снова и снова. Вчера открыл. Напал на место, которое читал как новое: Добчинский Марье Антоновне с поздравлением: “Вы будете... в золотом платье ходить и деликатные разные супы кушать”. Как я мог не заметить!» [Пропп 2002: 319]. Его любимые писатели, чте-

ние которых доставляло чувство *острого счастья* (выделено мной. – А.М.): Л. Толстой, А.П. Чехов, Н.В. Гоголь и, конечно, А.С. Пушкин. Пушкина он читал всю жизнь, перечитывая «подряд и вразбивку». Пушкину посвящена последняя запись в его дневнике 30 июля 1970 г.: «Купил для дачи однотомник Пушкина. Я не могу прожить недели, не прикоснувшись к Пушкину». Но вообще Владимир Яковлевич к литературе был требователен так же, как и к научным трудам: «Я “высокомерен” по отношению к писателям в буквальном смысле этого слова – меряю на высокую мерку. Это выдерживают самые великие писатели, и только их и стоит читать. Их сотни, а всех остальных – десятки тысяч» [Пропп 2002: 319]. Владимир Яковлевич считал, что Золя можно читать 2 раза – в юности и старости. Толстого можно читать 50 раз, также и Чехова. Романы Золя сделаны мастерски. Но вот Толстой. Не 20 томов, а всего только три романа. «И каждый образ, каждая строчка, каждое слово пережито всем существом и захватывает все существо своей внутренней правдой. Может быть только так, как изваял Толстой, и никак иначе» [Пропп 2002: 321]. Гоголя, Чехова, Толстого он считал гениями, непревзойденными художниками. В 1967 г. записал в дневнике: «Литература никогда не имеет ни малейшего влияния на жизнь, и те, кто думают, будто это влияние есть и возможно, жестоко ошибаются. “Ревизор” не действовал на взяточников, а статьи и воззвания Толстого о смертной казни не остановили ни одного убийства под ви-

дом казни, а у нас казнены уже миллионы, а палачи возведены в газетах в герои. Юбилей ГПУ – с музыкой и спектаклями, а те, кто видел наши застенки (я видел и кое-что знаю)³, только и могут, что сидеть по углам и быть незаметными. Литература сильна тем, что вызывает острое чувство счастья. И Гоголь велик не тем, что осмеивал Хлестакова и Чичикова, а тем, как он это делал, так, что мы до сих пор дышим счастьем, читая его. В этом все дело, не в том, что, а в том, как. А счастье облагораживает, и в этом значение литературы, которая делает нас счастливыми и тем подымает нас. Чем сильнее поучительность, тем слабее влияние литературы. Самые великие никогда не поучали (даже хотели этого), они были» [Пропп 2002: 316–317].

Монография «Русская сказка» (Л, 1984) после кончины Владимира Яковлевича была подготовлена к печати вдовой В.Я. Проппа – Е.Я. Антиповой. Издание предваряет статья К. В. Чистова, раскрывающая концепцию книги и ее роль в развитии мирового сказковедения. По мнению К. В. Чистова, в основе книги – специальный курс о русской сказке, прочитанный Проппом в первой половине 1960-х годах, а написана монография позднее, когда Пропп стал признанным ученым. Это так, но материалы фонда, хранящиеся в ИРЛИ, свидетельствуют, что еще в 1930-е годы В.Я. Пропп совместно с Н.П. Андреевым подготовил раздел «Сказка» для трех-

³ В 1930 г. В. Я. Пропп был арестован и 9 месяцев находился в Доме предварительного заключения.

томника «Русский фольклор». Раздел состоял из семи глав, большая их часть принадлежит В.Я. Проппу. И это позволяет сделать вывод, что спецкурс был подготовлен на основе монографического исследования 1930-х годов всего состава сказочного эпоса – исследования, содержащего пропповскую концепцию происхождения, развития и бытования русской сказки⁴.

В архиве несколько сотен писем к Проппу, а его писем немногим больше 30. Не хотят, не могут его адресаты передать письма в архив, берегут как дорогую память. Каждый человек, кому посчастливилось общаться с Проппом, знал, чувствовал, что он видит в собеседнике личность, которая интересна ему. В дневнике он писал: «Ценность человека определяется не его делами, а тем, что он из себя представляет. Есть академики, которых я презираю, и есть самые обыкновенные люди, с которыми мне легко и хорошо, потому что это настоящие люди» [Пропп 2002: 326]. В понятие настоящего человека В. Я. Пропп включал прежде всего моральные, этические качества, отсутствие эгоизма, способность любить и делать добро.

Дневник писал уже старый больной человек, а между тем слова и выражения: «цветение души», «радость бытия», «счастье» – пронизывают дневник от начала до конца. В нем нашли отражение часы, дни и недели усталости, переутомления, депрессии, но Владимир Яковлевич всегда нахо-

⁴ См. об этом подробнее: [Мартынова: 17–18].

дил силы преодолеть это состояние. И вновь он записывает: «И опять я преисполнен жизнью настолько, что меня грозит это разорвать. Я томлюсь неизъяснимым счастьем жизни» [Пропп 2002: 308]. Счастье доставляла Владимиру Яковлевичу работа. В декабре 1967 г. он писал: «Вчера закончил “Морфологию”. Было 4 месяца счастья умственной деятельности»⁵.

Счастье доставляла музыка. Шуберт, Бетховен, Моцарт – любимые композиторы ученого. Музыкае он учился в детстве, затем прервал занятия с гувернанткой. Но позднее учился в музыкальной школе и самостоятельно продолжил занятия. И в молодости даже выступал в публичных концертах. «Пребываю в музыке, труде и счастье. Когда играю, сердце заполняется так, что не могу продолжать, иду к окну и хватаюсь за занавеску. <...> Бетховен – III и V концерты, увертюра «Леонора» № 3 – я весь охвачен, это мой мир. Я не имею таланта выразить себя, но Бетховен меня выражает. Я существую по-настоящему». Или: «Моцарт – это счастье. Счастье в ликовании и счастье в слезах. Органическое душевное благородство и чистота и значительность при всей простоте» [Пропп 2002: 320].

Счастье доставляло общение с природой. Он мог подолгу сидеть на берегу залива, опушке леса, слушая и наблю-

⁵ Речь идет, вероятно, о новом английском переводе: Propp V. Morphology of the Folk-tale. Second Edition, Reversed and Edition with a Preface by Louis A. Wagner, New Introduction by Alan Dundes / University of Texas Press. Austin; London, 1968.

дая природу и радуясь ей. «Я активно ничего не делаю, разве что крашу свою замечательную легкую лодочку, выезжаю на ней на озеро и гляжу на закат – больше мне ничего не надо» [Пропп 2002: 198]. В этой связи понятно увлечение Владимира Яковлевича фотографией. Большинство его снимков хранятся в ИРЛИ, и они говорят о развитом художественном вкусе, о таланте художника-фотографа, его умении выбрать объект, показать прелесть, очарование группки березок, одинокого дерева на пригорке, зимней лесной дороги.

Один из источников жизненного счастья В. Я. Проппа – живопись. И прежде всего, русская иконопись. «Я всегда знал, что это искусство прекрасно. Но оно не просто прекрасно, это высшее искусство мира», – записывает он в дневнике. И еще: «Для меня это (иконы. – А. М.) – самое современное, самое актуальное мое искусство. Я не спешу и не думаю о веках и школах, я пью это искусство и упиваюсь» [Пропп 2002: 326]. Его любимыми русскими живописцами были, прежде всего, Васильев, гениальность которого он неоднократно подчеркивал в дневнике и письмах, Нестеров, Саврасов, Врубель. О Нестерове: «Я помню, какое глубокое счастье в юности возбуждали его картины: “Юность преподобного Сергия”, “Великий постриг”. Это просветленная религиозность, какой жил я в годы юности... “Пустынный” принадлежит к лучшим не только русским, но и мировым картинам: он понял и увидел чутьем в России такое, что до него не видел никто». И неожиданно читаешь: «Нестеров

ничтожный человек... Он жил только в своем живописании. Ничего другого у него в жизни не было» [Пропп 2002: 323]. Ничего – это значит любви к детям, семье, ученикам, стремления поделиться своими знаниями с другими.

С юности и до смерти он восхищался живописью Врубеля, не только живописью, но и личностью художника, его любовью к жене, оперной певице Н.И. Забеле: «...50 спектаклей “Садко”, и всегда он ее слушает... Любовь к жене есть только проявление великой любви художника ко всему, что сотворено» [Пропп 2002: 294].

Владимир Яковлевич очень любил свою семью, своих детей. Он был женат дважды. И не его вина, что первый брак оказался неудачным. От первого брака у него было две дочери, которых он любил нежно, помогал морально и материально. От второго брака – сын, к которому он был глубоко привязан и которым гордился. И еще у него были десятки учеников, которым он помогал даже тогда, когда они выходили на самостоятельную дорогу. 4 ноября 1965 г. он записал в дневнике: «Тот, кто думает о любимом или близком или добром человеке хотя малейшее худое, терпит наказание в самом себе, потому что теряет этого человека, теряет то святое, что соединяет его с ним. Ну а если действительно есть худое? <...> Тогда надо сказать: да, я и это беру в тебе, и ничто не может затемнить того света, в котором я тебя вижу и знаю. И станет тебе легко. И святое не будет потеряно. А без святыни жить нельзя» [Пропп 2002: 313].

Более тридцати лет работал в ЛГУ В.Я. Пропп. Сам он выразил свое отношение к этой работе следующими словами: «Когда в 1937 г. меня пригласили в ЛИФЛИ (впоследствии филологический факультет Университета), я и не подозревал, какая счастливая звезда привела меня сюда, в это здание. Я не знал еще тогда, а теперь знаю, какое это счастье – работать в Университете» [Пропп 2002:361]. Но и для филфака ЛГУ было большой удачей и счастьем – работа В.Я. Проппа. В эти годы на факультете работало много замечательных ученых, прекрасных профессоров и доцентов, талантливых лекторов, о которых с благодарностью и теплотой вспоминают бывшие студенты и аспиранты. Но В.Я. Пропп занимает в этих воспоминаниях особое место. Не раз приходилось наблюдать, что даже у людей, прослушавших лишь общий курс по фольклору на первом курсе, при упоминании фамилии Владимира Яковлевича теплеют глаза и появляется мягкая улыбка. Я не смогла бы определить источник его обаяния и облагораживающего воздействия на людей, если бы сам Владимир Яковлевич не нашел эти слова, отнеся их к академику С.Ф. Ольденбургу: «С<ергей> Ф<едорович> обладал качеством, которое я не могу назвать иначе, как большая культура сердца» [Пропп 2002:360].

Эти слова вполне могут быть отнесены к самому Владимиру Яковлевичу. Они вмещают в себя очень многое, и прежде всего, высокую требовательность к себе, чистоту души, богатейший внутренний мир, потребность оказывать по-

мощь тем, кто в ней нуждается. Хороший пианист и тонкий ценитель серьезной музыки, прекрасный фотограф, глубокий знаток древнерусского искусства, русской живописи и литературы, Пропп щедро делился с учениками, близкими ему людьми своими личными открытиями, впечатлениями в разных областях искусства.

Все, кто знал Владимира Яковлевича, отмечают, что он обладал тонким юмором. Нельзя сдержать улыбку, прочитав в «Дневнике» об одном обсуждении диссертации в Пушкинском Доме. «<.. > Фридлиндер с необыкновенной ловкостью, не сказав о книге ничего, очень убедительно и умно хвалил ее. Для меня такая виртуозность совершенно таинственна» [Пропп 2002: 298]. Или о выдвижении его в Берлинскую академию, о чем он сообщал в письме к другу в 1963 г.: «Меня хотят выбрать в Берлинскую Академию наук. Что ж, очень хорошо со стороны берлинцев и очень похвально. Я от этого не стану ни умнее, ни лучше. Вспоминаю слова Ариадны у Чехова: “Что ни говорите, а в титуле есть что-то обаятельное”, вследствие чего она выходит за князя Мактусова»⁶.

В 1966 г. ЛГУ выдвинул Владимира Яковлевича Проппа в члены-корреспонденты АН СССР. Никакой суетности и волнения не проявил и в этом случае В.Я. Пропп. В пись-

⁶ Пропп цитирует по памяти, точная цитата: «Что ни говорите, а в титуле есть что-то необъяснимое, обаятельное». См.: Чехов А. П. Ариадна // Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1974–1983. Т. 9, 1977. С. 112. Князь Мактуев сватался к Ариадне, но получил отказ.

ме В.С. Шабунину он пишет: «На большом Ученном совете я получил 58 голосов, против голосовало 4. Но в Москве я не пройду, так как хорошо известно, что я критикан и человек беспокойный и нежелательный» [Пропп 2002: 250]. Как ни странно и горько теперь это осознавать, но великий ученый не был избран ни в одну академию.

Обаяние личности Проппа испытывали на себе все, кто его знал. Особенное внимание проявлял он к своим ученикам. И письма к нему его студентов и аспирантов, всех, кто признавал его своим учителем, – свидетельство уважения и любви к Учителю. Это письма К. Е. Кореповой, Н. А. Криничной, А. Н. Мартыновой, М. П. Чередниковой, И. И. Земцовского, Л. М. Ивлевой, Ю. Пантелеевой, А. И. Нутрихина, О. Н. Гречиной, И. П. Лупановой, М. С. и Н.А. Бутиновых и др.

Владимир Яковлевич много лет мечтал поехать в Новгород, Ярославль и другие города, чтоб воочию увидеть великолепные храмы. Но удалось ему съездить лишь в Карелию. Первую поездку в Кижы он совершил в 1962 г. на экскурсионном пароходе. Глядя на кижский храм с борта парохода, В.Я. Пропп был восхищен. Он записал в дневнике: «Он лучше, чем все, что можно было о нем думать по снимкам... Я думал, что он перегружен, упадочен, барочен. Но он, прежде всего, удивительно строен. Главки не выпячиваются, а смотрятся на фоне всего сооружения. Можно плакать от счастья. Только люди на земле могли создать такое. Ни один город

это не может» [Пропп 2002:290]. Второй раз на острове Киж В.Я. Пропп побывал по приглашению своей студентки, теперь доктора филологических наук, Н.А. Криничной. Он гостил в семье Н. Криничной несколько дней, выезжая с ней на лодке в окрестные деревеньки, фотографируя часовенки и церквушки. Побывал он и в Кондопоге, чтоб увидеть знаменитую шатровую церковь. Это было счастье. Счастье еще и потому, что в последние годы жизни, как и в юности, Владимир Яковлевич увлекся древнерусским искусством – русской иконописью и архитектурой православных храмов. В его коллекции хранились тысячи изображений (фотографий, репродукций) икон, соборов, церквей, часовен. Свою работу он намерен был начать с систематизации форм православных храмов. Об этом есть запись в его дневнике: «А теперь я увлечен древнерусским искусством. И опять я вижу единство форм русских храмов, вижу варианты, нарушения, чуждые привнесения. Эта форма проста до чрезвычайности. Но почему она так волнует, так трогает, так делает счастливым? Смотрел по разным источникам готические храмы. Какое великолепие! Но нутро мое молчит, восхищается только глаз» [Пропп 2002: 327].

На первой странице дневника В. Я. Проппа рядом со словами: «Дневник старости. 1962–196...» пером нарисована горящая свеча и склоненная над ней поникшая веточка. Этот символ – горящая свеча – проходит через всю жизнь Владимира Яковлевича. Когда-то в юности в православном храме

любимая девушка вложила ему в руку горящую свечу. В старости маленькую свечу он ставил себе на письменный стол и зажигал ее. Эти символы: «свет», «огонь», «горение», «душевный пожар» – пронизывают и дневник последних лет его жизни. Свет души замечательного ученого и человека, огонь вдохновения и творчества не может не зажечь ответной искры в душе читателя его трудов.

Литература

Бовкало 1995: *Бовкало А. А. В. Я. Пропп и Петроградский богословский институт // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 8–9. СПб., 1995.*

Грякалов 1997: *Грякалов А. А. Константы чудесного и образ мира (к эстетическому смыслу концепции В. Я. Проппа) // Вече. Альманах русской философии и культуры. Вып. 8. СПб., 1997.*

Дневник старости: *Пропп В. Я. Дневник старости. // Неизвестный В. Я. Пропп. СПб., 2002.*

Лупанова: *Лупанова И. П. Учитель и друг // Неизвестный В. Я. Пропп.*

Мартынова А. Н. Предисловие к изданию трудов В. Я. Проппа // Владимир Пропп. Поэтика фольклора.

Пропп 1946: *Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.*

Пропп 1955: *Пропп В. Я. Русский героический эпос Л.,*

1955.

Пропп 1976: *Пропп В. Я.* Проблемы комизма и смеха. М., 1976.

Пропп 1995: *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1995.

Пропп 1998: *Пропп В.* Поэтика фольклора / Сост., предисл., коммент. А. Н. Мартыновой. М., 1998.

Пропп 2002: *Неизвестный В. Я.* Пропп / Сост., вступ. ст. А. Н. Мартыновой. Подгот. текста, комм. А. Н. Мартыновой, Н. А. Прозоровой. СПб., 2002.

Путилов: *Путилов В. Н.* Читая и перечитывая Проппа // *Неизвестный В. Я.* Пропп. СПб., 2002.

Чистов: *Чистов К. В.* В. Я. Пропп – исследователь сказки // *Пропп В. Я.* Русская сказка. Л., 1984.

Праздник: исторические корни

Змееборческий миф по КЛИНОПИСНЫМ ИСТОЧНИКАМ

В. В. Емельянов

Тема нашего доклада объединяет проблематику двух книг В. Я. Проппа. В монографии «Исторические корни волшебной сказки» подробно исследованы образы змея и его обрядовые функции. Выделены ипостаси огненного змея, водяного змея и Жар-птицы (или птицезмея), змей определен как внешний враг и похититель, рассмотрен обряд поглощения-выхаркивания героя, вод или солнца змеем, установлена принадлежность героя-змееборца к роду змея [Пропп 1998: 298–358]. В книге «Русские аграрные праздники» есть главы о встрече весны и о егорьевских обрядах [Пропп 1995: 35–44]. Но, к сожалению, Проппу не удалось установить связь между змееборчеством и весенними календарными праздниками. Исследователь жил в эпоху, когда история человечества делилась на догосударственную и классово-государственную, а основным методом исследования мифологии был формально-типологический анализ мотивов и

обрядов в связи с производственным процессом и борьбой классов⁷. Неудивительно, что змееборчество рассматривалось Проппом прежде всего как инициационный обряд раннегосударственного периода – проход через пасть чудовища (первоначально водного), который якобы сообщал испытуемому магическую силу и делал его шаманом. Кроме того, следует иметь в виду, что древнейшие письменные источники по змееборческому мифу оставались в 1940-х годах до конца не расшифрованными, поэтому из всего богатства клинописной литературы исследователю удалось использовать только вавилонский эпос о победе Мардука над Тиамат.

Сегодня, по прошествии 60 лет, наука в состоянии дать стадиально-исторический анализ змееборческого мифа в его связи с календарным ритуалом, и такого рода исследование, вне сомнения, было бы интересно самому В. Я. Проппу. Его принципиальными методологическими особенностями будут: а) хронологический подход к источнику; б) соотнесение мифологического текста и записи календарного ритуала; в) соотнесение мифологического текста и источников социально-политического характера (прежде всего, царских надписей и царских гимнов).

В фольклористике и этнографии давно уже укоренился стереотип змееборческого мифа, являющийся средним арифметическим полевых записей. Согласно этому мифу в

⁷ О соотношении пропповского анализа с марксизмом и сравнительно-этнографическим методом теперь см. [Уорнер 2005: 60–68].

его усредненном варианте, юный герой борется со своим предком, принявшим образ змея или дракона. Змей хочет похитить самую прекрасную девушку в стране и погубить ее. Столкновение героя со змеем происходит на территории селения или в горах. Герой побеждает своего соперника силой и хитростью, присущими ему лично, или пользуется предметами, данными волшебным помощником. После победы герой выручает девушку и женится на ней, одновременно коронуясь в освобожденной им стране⁸.

Следует проверить этот этнологический стереотип данными самых ранних записей мифа. Древнейшими письменными памятниками, фиксирующими змеборческий миф, являются клинописные тексты Ближнего Востока III–I тыс. до н. э. Первую группу этих источников составляют шумеро-вавилонские гимны богам, записанные в XXII–XIX вв. до н. э.: «Нинурта и Асаг» (Цилиндры Гудеа, *Lugale*), «Возвращение Нинурты в Ниппур» (*Angim*), «Нинурта и Анзу» [*Lugale*; *Angim*; Annus 2002; Емельянов 2004: 232–247]. Их обрядовая сторона верифицируется записями календарных ритуалов и комментариями к праздникам II–I тыс. до н. э. [*Livingstone* 1986; Емельянов 1999]. Во вторую группу попадают вавилонские, хеттские, хурритские и угаритские мифы середины II–I тыс. до н. э.: «Энума элиш» [*Ee*], «Тархунас и Илуянка» [*Laroche* 1965, pt. I; Иванов 1977: 52–53],

⁸ Стереотипное сравнительно-этнографическое рассмотрение образов героя и змея см. в энциклопедии [МНМ I: 296–297; 468–470].

«Кумарби и Хедамму» [Вильгельм 1992: 103–105], «Баал и Ям» [Шифман 1987: 90–91]. Обрядовая сторона рассмотрена в ритуальных текстах I тыс. до н. э. [Шифман 1987: 93–101; Cohen 1993]. Эти группы представляют совершенно различные исторические ситуации, и именно эти ситуации формируют мифологические мотивы.

Рассмотрим данные текстов по следующим параметрам:

1. Происхождение вредителя.
2. Образ вредителя.
3. Родство вредителя.
4. Образ героя.
5. Родство героя.
6. Предмет битвы.
7. Место битвы.
8. Время битвы.
9. Результат.

Тексты: Нш (Нинурта шумерский), На (Нинурта аккадский), Ээ, ТИ, КХ, БЯ.

Ситуация первая = группа I.

Нш

1. Горы к востоку от Южной Месопотамии.
2. Существо по имени Асаг⁹. Способно менять форму,

⁹ А₂-sag₃ (шумер, «бьющий (по) руке») можно перевести как «отнимающий силу».

сравнивается со змеем и хищной птицей.

3. От брака Ана (Небо) и Ки (Земля). Не знает родителей.

4. Нинурта (эпитеты – Буря, Сияние, Змей, Дракон).

5. Сын Энлиля и Нинхурсаг, формально – племянник Асага¹⁰.

6. Престол Ниппура и МЕ, полученные Нинуртой от Энки¹¹.

7. Горы.

8. Весна, первые два месяца календаря.

9. Освобождение вод, запертых Асагом в горах, и их направление на поля, доставка трофеев отцу, подтверждение прав на власть в Ниппуре, священный брак с супругой.

На

1. Горы к востоку от Южной Месопотамии.

2. Птица Анзу¹². Сияние и зычный крик.

¹⁰ Энлиль, как и все остальные шумерские боги, был поколением младше небесного бога Ана.

¹¹ О получении Нинуртой МЕ (здесь – магическая сила, помогающая одолеть врага) перед битвой с Асагом повествует миф «Путешествие Нинурты в Эреду» [Емельянов 2000: 71–83].

¹² В шумерское время львиноголовая хищная птица Анзу (шумер. Имду-гуд) была существом, олицетворявшим судьбу и покровительствовавшим царской власти. В начале Старовавилонского периода амореи, захватившие значительную часть Месопотамии, продолжали поклоняться божествам ниппурского культа. Но отношение к птице Анзу с течением лет менялось. В последний раз положительное отношение к этому мифологическому существу выражается в одном из гимнов Липит-Иштара. Его преемники уже относятся к Анзу как к олицетворе-

3. Рожден Землей на коленях у Ануннаков¹³. Ануннаки – братья Нинурты. Не знает родственников.

4. Нинурта.

5. Сын Эллиля¹⁴ и Белет-или¹⁵, формально – дядя Анзу.

6. Таблица судеб¹⁶.

7. Горы.

8. Весна (возможно, первые дни первого месяца).

9. Возвращение Эллилю Таблицы судеб, прославление Нинурты во всех городах, назначение его богом земледелия.

Можно назвать первую мифологическую ситуацию горным змеборчеством, или гороборчеством. Ее отличительными чертами являются: а) горное происхождение вредителя и битва в горах; б) наличие змееподобности в равной мере у вредителя и у героя, либо отсутствие змееподобности¹⁷;

нию зла, считая его похитителем судеб и атрибутов царской власти. См. [Annus 2002: 109–121].

¹³ Возложение кому-то на колени младенца означает ритуальное признание его отцом или усыновителем. Ануннаки стали восприимчивыми Анзу от самой Земли.

¹⁴ Эллиль – аккадское ассимилированное произношение шумерского имени Энлиль.

¹⁵ Белет-или – мать всех богов.

¹⁶ Таблица судеб включала в себя все МЕ и судьбы страны, определенные Энлилем на предстоящий год, т. е. основу законодательной деятельности богов.

¹⁷ Здесь не обойтись без терминологического анализа. В шумерских текстах и герой, и вредитель неоднократно сравниваются со змеем, но это именно сравнение, а не описание их внешнего вида. В тексте «Нинурта и Асаг» Асаг назы-

в) отсутствие родства или не признаваемое родство вредителя и героя¹⁸; г) весна как время битвы и победы героя; д) битва за религиозно-магические предметы, обеспечивающие наступление следующего года. Для шумерских текстов этой группы также характерен обряд доставки камней и дру-

аается змеем-*муш* в следующих случаях: Асаг, подобно змее, протянул голову по земле (muš-gim sag ki-a im-mi-ib₂-be₂; [Lugale, 170]), подобно могучей змее, на страну закричал (muš-sag-kal-gim kalam-ma šeg₁₁ bi₂-in-gi₄-gi₄; 175). Нинурта назван змеем-*мириша*: он – потоп, неустанный змей, покоряющий враждебную страну (a-ma-gu mir-ša₄ nu-kuš-u₃ ki-bal ga₂-ga₂; 3), он – владыка, небесный змей, омывающий топор и булаву (en mir-sa₄ giš^{giš}da₃-a giš^{giš}tukul-e a tu₅-bi₂-ib₂; 127). Кроме того, Нинурта назван драконом (*ушум*), обвинившим самого себя во враждебных горах (ušum ni₂-ba gur-gur; 10). Слово *муш* (змей) встречается еще в двух контекстах: одним из горных трофеев Нинурты был семиголовый змей (muš-sag-imin; [Angim, 40, 163]; [Lugale, 133]); одно из оружий Нинурты называлось «семиустая великая змея-убийца» (muš-mah-ka-imin sag-giš-ra-ra; [Angim, 138]). Таким образом, терминологический анализ позволяет сделать совершенно определенные выводы. Герой и вредитель сопоставлены с разными видами змей. Сравнение со змеем употребляется в случай Асага для изображения его могучего голоса и гибкости; в случае Нинурты – для описания его способности вызывать потоп и умирять враждебные страны. При этом ни герой, ни вредитель не имеют постоянного змеиного облика. Более того, в гимне «Нинурта и Асаг» Асаг один раз сравнивается с хищной птицей: giš-nu₁₁-gin₇ kur-ra A₂-sag₃-ge igi-huš ba-ši-in-il₂ «Подобно хищной птице, Асаг в горах зло на него смотрел» [Lugale, 286].

¹⁸ Вредитель не помнит своего родства и хочет добиться победы только за счет личных усилий агрессора. Для героя и его окружения он предстает как дикарь, пытающийся разрушить основы городской цивилизации. Так оруженосец Нинурты Шарур говорит о происхождении Асага: «Хозяин мой! Небо излило семя на желто-зеленую землю! Нинурта! Асага она породила, не знающего почтения – Дитя, что не грудью матери вскормлено, а молоком диких тварей! Хозяин мой! Это – отродье, отца не знающее, гор погубитель!» [Lugale, 26–29].

гих горных трофеев отцу, что обеспечивает статус героя как правителя и дает ему право на священный брак с супругой¹⁹. Герой отстаивает страну от внешней угрозы и обеспечивает плодородие страны.

Мифологические мотивы этой группы текстов нужно рассматривать в их связи с царскими надписями. Из последних мы узнаем о частых походах царей в горы к востоку от Шумера. Из этих походов привозили строительный камень, лес и рабов. Народы, жившие в горах, традиционно считались противниками шумеров²⁰. История знает как минимум два примера захвата Месопотамии горцами: эпоху кутиев (XXII в. до н. э.) и эпоху касситов (XVI–XI вв. до н. э.). Поэтому у жителей Месопотамии III – начала II тыс. до н. э. были все основания считать горы местом решающего поединка за право народа на существование. К этому историческому аспекту добавляется календарно-климатический: Тигр и Евфрат имеют истоки в горах, разлив начинается после таяния льдов в конце зимы, а в Месопотамию половодье приходит в конце марта – начале апреля. Для человека той поры его личное благополучие рассматривалось как производное от деятельности рек и гор. Реки разливались нерегулярно, и когда разлив запаздывал, шумеры могли видеть причину

¹⁹ [Lugale, 416–680]. Этот же мотив возвращения с горными трофеями и последующей интронизации встречаем в тексте «Энки и устройство мира» (стрк. 251–385). Вместо священного брака здесь описано оплодотворение рек.

²⁰ См. данные старошумерских царских надписей по словарной статье kur («горы»): [Behrens, Steible 1983: 208–210].

опоздания в злокозненном поведении камней, преграждающих водам путь в долины. Таким образом, змеборчество этого времени – скорее гороборчество, целью которого было скорейшее приближение речного половодья, маркирующего начало года.

Ситуация вторая = группа II.

Ээ

1. Соленые воды моря.
2. Тиамат (собственно, море). Змееподобное водное существо.
3. Прародительница богов (вместе с Апсу²¹).
4. Мардук. Антропоморфен. Четыре уха, четыре глаза.
5. Сын Эа²², потомок Тиамат.
6. Таблица судеб, жизнь младших богов.
7. Внутри моря.
8. Первые дни первого месяца.
9. Создание частей мира из тела Тиамат, возвращение Таблицы судеб Ану, провозглашение Мардука царем богов.

ТИ

²¹ Апсу – здесь имя божества пресных вод.

²² Эа (Хайа) – аккадское божество водных источников и жизни; соединилось с шумерским богом мудрости Энки в эпоху Саргонидов (XXIII–XXII вв. до н. э.). Мардук – сын бога мудрости, он сам имел эпитет «мудрейший из богов».

1. Неизвестно.
2. Илуянка, змей.
3. Неизвестно.
4. Тархунас, бог грозы.
5. Неизвестно.
6. Сердце и глаза бога грозы, похищенные змеем в поединке.
7. В доме Инары.
8. Первые дни первого месяца.
9. Убийство змея, возвращение сердца и глаз.

КХ

1. Соленые воды моря.
2. Хедамму, змееподобное водное существо, пожирающее людей.
3. Сын Кумарби и дочери моря Шертабшухури, брат Тешуба.
4. Тешуб, бог грозы, свергнувший Кумарби с престола.
5. Сын Кумарби.
6. Власть.
7. На берегу моря, куда выводит Хедамму Шавушка.
8. Неизвестно.
9. Убийство Хедамму и сохранение престола за Тешубом.

БЯ

1. Соленые воды моря.

2. Ям²³, бог моря, змееподобное водное существо.
3. Сын Илу, брат Баала.
4. Баал, бог грозы, свергнувший Илу с престола.
5. Сын Илу.
6. Власть над богами с требованием дани.
7. На берегу моря.
8. Неизвестно.
9. Убийство Яма и сохранение престола за Баалом.

Историческая ситуация, представленная в текстах второй группы, радикально отличается от раннего шумеро-вавилонского гороборчества. Можно назвать ее водным змееборчеством, или мореборчеством. Основные черты здесь следующие: а) вредитель является змееподобным существом, живущим в водах моря²⁴; б) вредитель – брат героя, заявляющий свои права на власть в условиях конфликта между героем и его отцом (в вавилонском эпосе это конфликт героя Мардука и вредителя Тиамат, которая была его женским пращуром;

²³ Другое русское написание имени Йамму. Само слово означает в семитских языках «море».

²⁴ Точнее, это даже субстанция самого моря. *Ti'amtu, tâmtu* значит «море, соленая вода», *yam* «море». Также в одном случае Тиамат названа «матерью Хубур» [Ее I: 133]. Так называется река Подземного мира, которую, по представлениям семитов, переходит каждый умерший; так называется и одиннадцатый месяц ассирийского календаря, приходящийся на конец зимы. Напротив, хетт. *Elluiankuš* означает «змея, дракон». Хеттская версия, судя по всему, является сухопутной, но в других текстах упоминается и морской Илуянка (см. [МНМ I: 506]).

при этом Тиамат находит героя соперника в лице близкого ему по возрасту Кингу); в) герой борется с вредителем за право властвовать над всеми богами и получать от них дань; г) битва происходит в море или на берегу моря; д) временем битвы в некоторых контекстах является весна, а в некоторых время не указано.

Мифы второй группы отражают историко-политическую ситуацию, сложившуюся на Ближнем Востоке ко второй половине II тыс. до н. э. Это активное освоение Средиземного моря²⁵ и связанное с этим ожидание опасности со сторо-

²⁵ Российский востоковед и культуролог Л. И. Мечников выделяет в своей работе «Цивилизация и великие исторические реки» основные этапы в развитии цивилизации, сопоставляя их с этапами освоения человеком водного пространства Земли. История, по Мечникову, делится на речную, морскую и океаническую. Речной период истории человечества охватывает четыре великие цивилизации древности – Египет, Месопотамию, Индию и Китай, возникшие в бассейнах великих рек. Этот период состоит из двух подпериодов: а) эпоха изолированных народов (с начала цивилизации до XVIII в. до н. э.); б) эпоха первоначальных международных сношений и сближений народов (от финикийских федераций до начала н. э.). В социальном плане это период подневольных объединений, характерных для обществ, основанных на рабстве, принуждении и на подчинении всех одному лицу, являющемуся символом космического фатализма и обожествляемой силы. Морской период охватывает двадцать пять веков, с основания Карфагена до Карла Великого, и подразделяется на два подпериода: а) эпоху освоения Средиземного моря (от Финикии до Константина Великого); б) эпоху освоения Черного и Балтийского морей (Средние века). В социальном плане это период подчиненных группировок и союзов, характеризующийся преобладанием олигархических и феодальных федераций, интенсивной борьбой между классами, развитием крепостничества и подневольного труда. Исходя из этой классификационной схемы, гороборческий период совпадает с речным, а мореборческий приходится на эпоху морского периода развития цивилизации. См. [Меч-

ны моря, это нападение т. н. «народов моря» на старые речные государства, это постоянные внутридинастийные конфликты в государствах Сирии, Малой Азии и Двуречья, чреватые заговорами и характерные взаимной ненавистью царственных отцов и их наследников. В этой ситуации вредителем оказывался близкий родственник героя, который ради своей победы в битве за власть привлекал на свою сторону чужеземцев, шедших со стороны Средиземного моря²⁶. Герой же еще ранее этого лишил власти своего предка, поэтому его собственное правление не выглядело в глазах претендента неоспоримым.

О перенесении внешнеполитических интересов с гор на море свидетельствуют все клинописные тексты, начиная со Среднеавилонского периода. Особенно характерен пример из эпоса о Гильгамеше. Если в шумерской версии похода на Хумбабу Гильгамеш идет на восток и покоряет враждебные горы Загроса, то в вавилонской версии Хумбаба живет на западе, в примыкающих к морю горах Ливана, с которыми теперь связано представление о мировом зле [Якобсон 1988]²⁷.

Итак, рассмотренные нами в стадильно-хронологическом порядке змеборческие мифы, зафиксированные в кли-

ников 1995: 337–339].

²⁶ О «народов моря», их роли в ближневосточной политике, разрушении Хеттского царства и Троянской войне см. [Гиндин, Цымбурский 1996: 132–184].

²⁷ Можно вспомнить и факт, касающийся месопотамского мифа о потопе. Если в вавилонском эпосе об Атрахасисе потоп происходит на реке, то в XI таблице эпоса о Гильгамеше он устраивается на море (tâmtu; XI, 124, 198).

нописных источниках, позволяют выделить две стадии в развитии змееборческих представлений на древнем Ближнем Востоке – гороборчество и мореборчество. Каждая из этих стадий связана с определенной зоной внешнеполитических и производственных интересов народов Ближнего Востока, а также с определенным типом отношений между членами правящих династий. Мифологический сюжет в каждом из этих случаев является результатом сложного совмещения природно-климатических и историко-политических образов действительности в сознании древнего человека. Сюжет существует в сакральном пространстве и времени, и, как уже показано, связан преимущественно с событиями весны и Нового года.

Сравнение данных клинописной литературы с этнолого-фольклористическим стереотипом змееборческого мифа позволяет сделать следующие выводы:

1. Змееборческий миф в записях III–II тыс. до н. э. не имеет отношения к обряду инициации, не связан с получением магической силы, шаманским испытанием, а в ритуальном смысле – с пребыванием героя внутри водного чудовища, а также с выхаркиванием героя чудовищем.

2. Водная природа змея не является его первоначальной природой. Миф начинается с отсутствия у вредителя какой бы то ни было формы. Одними свойствами он напоминает змею, другими – хищную птицу.

3. Борьба идет не за девушку, а за власть или за символы

этой власти. Женщина фигурирует только в контексте священного брака, и то только в шумерский период.

4. Змееборческий миф имеет совершенно определенную календарную коннотацию, выражая период перехода от хаотического состояния мира в конце года к упорядоченному миру в первые месяцы весны. Хаотичность мироздания связана с усилением сезона дождей и нерегулярным разливом рек в зимний период, упорядоченность – с приходом половодья и началом сельскохозяйственных работ. В сакральном плане переход героя через водное препятствие означало переход мироздания через временную смерть, изображенную в виде реки мертвых. Переход такого рода следует назвать космогоническим и отличать его от инициационного²⁸, поскольку герой занят возвращением прежнего порядка и подтверждением своего прежнего статуса, и в процессе борьбы с вредителем он не приобретает новых качеств.

Литература

Вильхельм 1992: *Вильхельм Г.* Древний народ хурриты. М., 1992. Гиндин, Цымбурский 1996: Гиндин Л. А., Цым-

²⁸ При этом мы согласны с Г. А. Левинтоном в том, что «инициация в некоторых чертах воспроизводит космогонические мифы, поскольку выведение иницируемого индивида за пределы социальной структуры для совершения перехода подразумевает определенную степень расшатывания этой структуры, внесение некоего «возмущения» в нормальное состояние коллектива и последующее возвращение к нормальному существованию по завершении обряда» [МНМ I: 544].

бурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.

Емельянов 1999: *Емельянов В. В.* Ниппурский календарь и ранняя история Зодиака. СПб., 1999.

Емельянов 2000: Емельянов В. В. Шумерский космогонический миф «Путешествие Нинурты в Эреду» (Библиотека Ниппура, XIX–XVII вв. до н. э.) // *Ассириология и египтология*. СПб., 2000.

Емельянов 2003: *Емельянов В. В.* Ритуал в древней Месопотамии. СПб., 2003.

Емельянов 2004: *Емельянов В. В.* Эпос о Нинурте и Анзу (введение, перевод, комментарий) // *Вестник древней истории* 4 (2004). С. 232–247.

Иванов 1977: *Иванов Вяч. Вс.* Луна, упавшая с неба. М., 1977.

Мечников 1995: *Мечников Л. И.* Цивилизация и великие исторические реки. М., 1995.

МНМ: Мифы народов мира. Т. I. М., 1991.

Пропп 1995: *Пропп В. Я.* Русские аграрные праздники. СПб., 1995.

Пропп 1998: *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. М., 1998.

Уорнер 2005: *Уорнер Э. Э.* Владимир Яковлевич Пропп и русская фольклористика. СПб., 2005.

Шифман 1987: *Шифман И. Ш.* Культура древнего Угарита. М., 1987.

Якобсон 1988: *Якобсон В. А.* Куда Гильгамеш ходил за кедрами? // Древний Восток. Вып. 8. Ереван, 1988.

Angim: *Cooper J. S., Bergmann E.* An-gim dim₂-ma: The Return of Ninurta to Nippur. Rome, 1978.

Annus 2002: *Annus A.* The God Ninurta in the Mythology and Royal Ideology of Ancient Mesopotamia. Helsinki, 2002.

Behrens, Steible 1983: *Behrens H., Steible H.* Glossar zu den Altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Wiesbaden, 1983.

Cohen 1993: *Cohen M. E.* The Cultic Calendars of the Ancient Near East. Bethesda, 1993.

Ee: *Lambert W. G.* Enuma elis. Oxford, 1966.

Laroche 1965: *Laroche E.* Textes mythologiques hittites en transcription // Revue hittite et asiatique 23 (1965).

Livingstone 1986: *Livingstone A.* Mystical and Mythological Explanatory Works of Assyrian and Babylonian Scholars. Oxford, 1986.

Lugale: *Dijk J. J. A., van.* Lugal ud me-lám-bi nir-gál; La récit épique et didactique des Travaux de Ninurta du Deluge et de la nouvelle Création. 2 vols. Leiden, 1983.

Историческая поэтика: музыкальный язык фольклора как процесс

(из ненаписанной главы)

Е. Е. Васильева, В. А. Лапин

Начну с того, что я вынужден вас дважды обмануть. Во-первых, сообщение делается от имени двух авторов (позднее станет понятно, почему). Во-вторых, тема выступления – не совсем та, которая объявлена в программе («Календарно-обрядовые песни и отечественное этномузыкальное знание»). Я поддался на активный нажим организатора конференции, С. Б. Адоньевой, и предложил самую нейтральную формулировку, которая бы отвечала стержневой теме конференции и, в то же время, ответила на крик души С. В. (в том смысле, что просто расскажите, что у вас, музыкантов, делается в этой области – мы же здесь, на филфаке, ничего об этом не знаем!).

Дав обещание, я стал примеряться к теме выступления с разных сторон и скоро понял, что не могу справиться с этим заданием в регламенте доклада. Мало того, что календарно-обрядовая песенность в той или иной мере присутствует в сфере научных интересов большинства научных этномузыкалогических центров России и соответствующих вузов-

ских кафедр и лабораторий. Появились основательные исследования, в которых отчетливо сказывается воздействие идей и метода В.Я. Проппа, предложенных в «Русских аграрных праздниках». Нужно было бы рассказать о монографии И.И. Земцовского, в которой автор, ученик В.Я. Проппа, попробовал повторить опыт своего учителя на музыкальном, главным образом, восточнославянском материале [Земцовский]. (Показательно уже название введения книги – «Календарные песни как цикл»). Нужно было бы рассказать об авторах, которые, в известной мере отталкиваясь от идей В.Я. Проппа, исследовали фольклорно-обрядовые комплексы отдельных праздников, например, [Бернштам, Лапин], [Тавлай]. Сравнительно недавно О.А. Пашина защитила в качестве докторской диссертации исследование, в значительной степени опирающееся на концепцию В.Я. Проппа [Пашина]. Нужно было бы рассказать о методиках экспедиционно-полевых исследований и о принципах подготовки фундаментальных региональных публикаций или крупных сводов календарно-обрядового фольклора Псковщины и Смоленщины (подготовленные, соответственно, фольклористами Петербургской консерватории и Академии музыки им. Гнесиных) [Традиционная музыка русского Поозерья], [Народная традиционная культура Псковской области], [Смоленский музыкально-этнографический сборник] и т. д. Очевидно, что это тема даже не для лекции, а для небольшого лекционного спецкурса.

Тогда я вновь перелистал, а кое-что внимательно перечитал в «Русских аграрных праздниках» В. Я. Проппа. Вспомнил и обдумал наши недавние методологически ожесточенные (но психологически вполне дружеские!) баталии с нашими московскими коллегами-соавторами. И я понял, о чем нужно вам рассказать.

Цель всякой науки – описание своего объекта, рассматриваемого и изучаемого в различных связях, поворотах, в изменяющихся пропорциях и объеме. Для этого необходим специальный язык – *язык научного описания*, который наука постепенно вырабатывает в общении со своим предметом. Все части этих отношений подвижны: меняются со временем точки зрения, меняется сам предмет, объем сведений об объекте изучения; меняется отношение к смежным научным дисциплинам. Соответственно и язык науки постепенно трансформируется и переоформляется, заимствуя и изобретая, удерживая одни элементы и отказываясь от других.

Может показаться несколько неожиданным то, что к настоящему времени наука о музыкальном фольклоре в наибольшей степени освоила междисциплинарные аспекты, граничащие:

с *этнографией* – функциональный контекст бытования, этнографическая реальность поэтики некоторых жанров в целом и конкретных локальных традиций как формы жизни фольклора, обрядовая музыкальная драматургия и т. д.;

с *диалектологией* – опыты выявления ареалов отдельных

фольклорных явлений и их картографирование;

с историей, археологией и этнолингвистикой – попытки соотнесения некоторых музыкально-фольклорных ареалов с этноплеменным членением восточных славян; выявление ареала восточнославянской архаики (школа Н. И. Толстого), соотнесение данных музыкальной фольклористики с невероятно устойчивыми во времени очертаниями «историко-культурных зон» [Герд, Лебедев, 1999, 2001] и др.;

со структурной лингвистикой и этнологией – опыты построения музыкально-структурных типологий разного масштаба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.